

ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ И ДЕНЬ ШЕСТОЙ

женщина, которая никогда не будет любимой, и подорванная сопротивлением власти, у которой нет прежней самоуверенности, у которой появился страх, а значит родится новая волна свирепой жестокости...

В «БЕРЕГЕ» на Эмму Светланы Брагарник обращаешь внимание не сразу. Основные диалоги ведутся почти без ее участия, она будто в тени, чуть сбоку: такая сдержанно-элегантная средних лет дама — немецкая общественная деятельница, на которую главный герой (а вместе с ним в первый момент и зритель) реагирует не более чем вежливо. Но проходит каких-то пять-семь минут, и выражение лица этой женщины, бесконечно сменяющиеся на нем чувства, не соответствующие произносимым ею спокойно-приветливым словам, — то немой вопрос, то смутение, то печаль, то тревога — заставляют нас приглядываться к Эмме все более пристально. Во время диспута она вообще сидит в стороне и ни слова не произносит, но ее глаза не просто неотступно следят за Никитиным — они словно живут вместе с ним: в них его боль, его ирония, его гордость. В них ее несбывшаяся и все-таки состоявшаяся любовь: «мой милый, если бы не было войны»...

В «Декамероне» по Боккаччо Светлана Брагарник так разительно отличается от себя в предыдущих спектаклях, что даже в первые секунды ее раскованно-изящного, словно бросающего вызов ханжеству и лицемерию танца снова невольно открываешь программку: она ли играет в прологе? Она — и в прологе, и Лауретту в новелле о житейских неожиданностях, и соседку в «Архангеле Гаврииле», и, наконец, Перонеллу в знаменитой истории о бочке. Выходки Перонеллы в ее исполнении так заразительно-лукавы, что зрители смеются от всей души.

Во время уфимских гастролей театра имени Н. В. Гоголя актриса сыграла и еще в одном спектакле — «Мебель и страсть» румынского драматурга Теодора Мазилу — гротеском, остро-сатирическим, где героиня ее Лизника — злая карикатура на реально существующие пороки.

Вот таких разных женщин представляла в гастрольных спектаклях заслуженная артистка РСФСР Светлана Брагарник. Впрочем, при всем их различии есть в них то общее, что и делает их интересными для зрителя, — сила и страстность характера. И это, видимо, идет не только от содержания пьес,

но и от личности актрисы.

Между тем, в маленьком гостиничном номере я увидела женщину скорее хрупкую и эмоционально-открытую, нежели сильную и сдержанную, хотя и эти черты просматривались в ее поведении и манере говорить. На пол-лица сияли серые глаза, которые менялись мгновенно, то закигаясь неподдельным интересом, то заволакиваясь слезой сочувствия, то вспыхивая лукавст-

вом.

Конечно, Эмма Герберт в «Береге» старше меня и временем — почти на 40 лет, и возрастом — лет на 15, — отвечая на мой вопрос о сложности своих ролей, рассказывала Светлана Михайловна. — Но я привыкла к тому, что играю женщин, которых сама гораздо младше. Когда кончила ГИТИС, пришлось в Московском областном театре в 21 год сыграть Юлию Тугину в «Последней жертве» Островского. Да и Лизавете в «Доме» 42 года. А на малой сцене играю 68-летнюю английскую королеву Елизавету Тюдор, пьеса называется «При жизни Шекспира». Я бы и столетнюю старуху с удовольствием согласилась играть — была бы роль интересная, был бы характер, в котором есть что показать.

СВЕТЛАНА Брагарник поступила в театральный институт сразу после десятого класса, ни разу до этого не выйдя на сцену, а затем поступила в семью, совсем не театральную.

Я удивляюсь: как же так? А она улыбается: «Хотите верить — хотите нет, но я

чувствовала, что обязательно буду актрисой, что это во мне». Преподаватель по актерскому мастерству в ГИТИСе народный артист СССР Раевский поддерживал в ней это убеждение: «Что бы ты ни делала, где бы ни была — дома, на улице, в магазине, наблюдай, смотри, ибо ты живешь для сцены. Даже яблоко ешь для того, чтобы быть здоровее и играть еще лучше...»

— Нет, никаких увлечений у меня нет, и времени на них нет — только театр, — опять отвечает она на очередной вопрос. — Нет, что вы, даже старый спектакль не надоедает, ведь в зале новые люди, которые эту постановку еще не видели, и как же можно обмануть их ожидание. Так что каждый раз выкладываешься до конца. Было с кого брать пример: покойный Борис Чирков — это такая потеря для театра, он изумительный партнер. В последний год был болен, и возраст преклонный, но ни разу не позволил себе на сцене расслабиться — в «Последней жертве» я с ним играла с наслаждением.

И снова — о ролях. О тех, которые считает для себя этапными:

— Мы были в Архангельской области, искали предметы быта для «Дом». Входим в избу, более чем скромную, а там старушка приветливая, улыбочивая, глаза — васильки. Ну, прямо моя Лизавета, если бы она дожила до старости. Я в Лизавету Пряслину просто влюблена, ее доброта, самоотреченность, мне кажется, меняют и меня как человека. Когда репетировала, все боялась переиграть, «пережать», хотелось показать живой народный характер. Вообще репетиции — самый тяжелый для меня период. Когда готовила роль Крисчед, от переживания похудела на 6 килограммов. Мне эта медсестра — садистка глубоко антипатична, она мой идейный враг, но ведь ее надо сыграть не схемой, а во плоти и крови, вот и пропускаешь этот характер через себя, через свои нервы.

Последний вопрос: какую роль хотелось бы сыграть? — Антигону. Леди Макбет. Сильную женщину. Но больше всего на свете хочется сыграть счастливую женщину.

— А сами вы бываете счастливой?

— Да. Если выхожу на поклон и замечаю слезы в глазах зрителя... Значит, спектакль заставил волноваться, думать. Миссия театра высока — это не просто слова: показывать таких героев, ставить такие проблемы, до которых зритель тянулся бы, становясь лучше, чище, значительнее.

А. ДОКУЧАЕВА

НА СНИМКАХ: С. Брагарник в ролях Лизаветы («Дом») и Лизики («Мебель и страсть»).

Фото Р. КУДОЯРОВА и В. ОСОТОВА.

СПЕКТАКЛЬ «Дом» — главы из романа Федора Абрамова — начинается так, что Лизавета, которую играет Светлана Брагарник, только присутствует на сцене в то время, когда другие говорят и действуют. А она в своей избе склонилась над какой-то работой. Лицо ясное, тихое, словно осененное добротой.

Удивительно, как это без слов, без жестов, одним лишь светом глаз дает актриса слепок характера своей героини, который далее, без протяжения спектакля будет раскрывать во всей его щедрости и многоплановости, и все-таки если попробовать определить в нем главное, получится именно то, что выявилось уже в этом первоначальном рисунке, — доброта и совесть.

Трагически погиб у Лизаветы сын, старший брат отвернулся от нее — как могла она Васеньку забыть, пригреть чужого мужа, а потом отпустить его к семье, хоть у самой уже родилось двое ребятишек?... А она Васеньку-то помнит каждую минуту. Актриса ее материнскую боль передает так скупно внешне и так пронзительно остро изнутри, что сердце оветает на части.

Слова ее о совести, о памяти, что должна оставаться после человека в детях, о родном доме, который должен жить в душе, находят отклик в зрительном зале, потому что выстрадааны той Лизаветой, которую показывает нам Светлана Брагарник.

Следующим вечером ак-

триса вышла на сцену в роли, сложность и необычность которой делают ее чрезвычайно трудной для исполнения. Крисчед в спектакле «...А этот выпал из гнезда» по пьесе американского драматурга Д. Вассермана несет как бы двойную нагрузку: ее надо показать не только служаккой — медсестрой, одинокой женщиной со свойственными именно ей индивидуальными чертами характера, но и частью той бездушной машины государственной власти, которая подавляет в буржуазном обществе человека, превращая его в послушное, задавленное страхом существо. Светлана Брагарник справляется с этой задачей блестяще. Достаточно вспомнить ее словно прилепленную улыбку, без которой она не обращается к больным, ее походку, похожую на строевой шаг, ее холодный всепроникающий голос, усиливающийся через микрофон: нигде не укроешься от этой страшной власти. И в то же время Крисчед недолимо влечет к безумно-смелому Макмерфи. Их поединок — борьба не только за свободу и подавляющей ее жестокой «системы порядка», это и единоборство двух сильных личностей, мужчины и женщины. Вот почему, оставшись наедине с распластанным на носилках полумертвым Макмерфи, она украдкой поглядит его по голове. С протезом на поврежденной шее, с трясущимися руками, с осыпшимся голосом — это и сломленная